

акцентирует внимание на том, что семья занимает в современных условиях важное место в ценностных ориентациях рабочих.

К сожалению, в этой интересной книге имеются некоторые недочеты. Так, автор раскрывает содержание терминов «образ жизни» и «быт», но оставляет без объяснения термин «уклад жизни», хотя он пользуется им при последующем изложении материала (стр. 10 и др.) Читателю остается неясным, является ли это понятие эквивалентом «образа жизни» или «быта» (стр. 5—6), тем более, что два последних термина обычно воспринимаются как синонимы.

Использование данных о домашнем инвентаре должно быть дополнено изучением характера интерьера, выявлением его этнических традиций и т. д. Вряд ли возможно согласиться с категоричным утверждением автора об отсутствии главы в современной рабочей и вообще городской семье (стр. 97). В этом случае было бы правильнее говорить о существенном изменении взаимоотношений супругов в семье при социализме.

В заключение хотелось бы сказать, что книга И. П. Труфанова является ценным вкладом в изучение современного высокоурбанизированного общества. Она будет полезной для этнографов, историков, социологов и представителей других общественных наук.

Т. М. Александрова

Н. Г. Фрадкин. Географические открытия и научное познание Земли. М., 1972, 132 стр.

Книга Н. Г. Фрадкина посвящена обширному кругу методологических проблем, связанных с сущностью и характерными признаками географических открытий. Труд содержит ряд острых и порой спорных положений, свидетельствующих о смелости творческой мысли автора. В этом неоценимое достоинство книги — она заставляет задуматься над вопросами, еще не полностью разрешенными географами, историками и этнографами.

Прежде всего Н. Г. Фрадкин отвергает однозначные дефиниции самого понятия географического открытия. Эти проявления человеческой деятельности он рассматривает как весьма сложный исторический процесс, имевший на разных этапах освоения Земли качественно различный характер.

Автор считает устаревшей традиционную трактовку понятия географического открытия как деяния, связанного с представлением о географии как науке преимущественно описательной. Он указывает, что физическая география в наше время не только не исчерпала возможности новых открытий, но и вступила в эпоху познания ранее неизвестных закономерностей. Н. Г. Фрадкин справедливо отмечает, что с 4 октября 1957 г., с выходом в Космос первого искусственного спутника Земли, началось научное изучение общепланетарных закономерностей, безмерно расширяющих возможности новых открытий, основанных на комплексном сравнительном изучении различных небесных тел солнечной системы.

Касаясь истории географических открытий, автор выделяет в ней два качественно различных этапа: этап территориальных открытий, связанных с созданием физической карты земного шара и этап открытий физико-географических закономерностей, начало которого было ознаменовано вступлением географии в фазу аналитических исследований.

Н. Г. Фрадкин полагает, что во зременном плане оба эти этапа совпадали друг с другом, но в будущем абсолютное преобладание получают открытия новых закономерностей, возможности которых неисчерпаемы, как неисчерпаемо познание природы земного и внеземного миров.

Первый раздел книги посвящен территориальным открытиям. Автор подвергает критике существующие определения понятия «географическое открытие», и, в частности, дефиницию И. П. Магидовича, который ограничивает это понятие рядом условий, например фактом первопосещения данного объекта и наличием у первооткрывателей письменности. Н. Г. Фрадкин считает, что эти критерии носят формальный характер и не дают возможности составить представление о географическом открытии как о сложном процессе, в котором ознакомление с тем или иным объектом порой проходило многократно и всякий раз на качественно ином уровне.

В этой связи Н. Г. Фрадкин выдвигает схему уровней территориальных открытий. Под уровнем автор подразумевает ограниченную во времени и обусловленную совокупностью общественно-исторических условий фазу познавательных мероприятий. По мере смены исторических формаций сменяются уровни, возрастает масштаб и степень познания ранее обнаруженных географических объектов.

Условно автор выделяет три уровня территориальных открытий: локальный, региональный и глобальный. Локальный уровень соответствует тому этапу, когда «географический» кругозор людей был ограничен местом обитания отдельных племен и местонахождение неизвестного объекта определялось относительно других, известных прежде объектов, в узких локальных рамках — в пределах обитания данного племени. Региональный уровень отвечает следующему этапу, когда «географический» кругозор возрос настолько, что появились представления об относительно обширном регионе, в центре

которого обитал данный народ. Это античная эпоха и раннее средневековье. Глобальный уровень характеризуется расширением «географического» кругозора до планетарного охвата и фиксацией местонахождений новых объектов на мировой карте. Во времени он связан с эпохой зарождения и развития капиталистического производства.

Для этнографов основной интерес представляет авторская трактовка открытий локального уровня. Введение этой градации позволяет очертить круг очень важных акций, совершенных на доисторических этапах развития общества и положивших начало системам прямых связей между различными ареалами Старого и Нового Света.

Историки географии всегда грешили недооценкой значимости этих локальных открытий, тем самым игнорируя огромный вклад в освоение морей и земель нашей планеты, внесенный на этапах существования доклассовых общественных формаций.

На примерах первоначального заселения Америки и Океании автор показывает, что эти процессы следует оценивать как ряд последовательных событий, обусловивших формирование элементарных географических представлений об огромных территориях.

И если честь открытий мирового (глобального) уровня, в результате которых Америка и Океания заняли свое место на географической карте мира, принадлежит мореплавателям и путешественникам века Великих географических открытий, то неотъемлемые права на первопознание этих областей имеют народы Нового Света, Полинезии, Меланезии и Микронезии.

Автор справедливо отмечает, что открытия локального уровня в некоторых случаях оказывали большое влияние на открытия, совершаемые на последующих исторических этапах, что особенно ярко проявилось в деятельности Дж. Кука, широко использовавшего примитивные географические сведения океанистов.

Для иллюстрации схемы уровней территориальных открытий Н. Г. Фрадкин приводит пример трехкратного открытия Америки. На этапе локального уровня отдельные ее районы открывали жившие здесь племена. На региональном этапе обширные территории Центральной и Южной Америки открыли и освоили ацтеки, майя и инки, а Греландию и некоторые участки северо-восточного побережья Северной Америки — норманны. То были довольно значительные новые «обретения», но они оставались «открытиями в себе» и не выходили за пределы относительно узкого региона. Общепланетарный характер имело лишь открытие Колумба, в результате которого Новый Свет вошел в систему географических представлений всего человечества.

В принципе, сама методология автора нам представляется верной. Понятие об уровнях географических открытий, бесспорно, весьма перспективно, оно позволяет трактовать открытие новых географических объектов как исторический процесс, в котором сменяются качественно разные фазы. Однако думается, что трехчленная схема, разработанная Н. Г. Фрадкиным, не вполне удачна: она не соответствует куда более сложной и дробной периодизации истории доклассового и классового общества. В какой-то мере эта схема приложима к Новому Свету, но она неприменима к Азии, Африке и Европе. В период существования первобытнообщинного уклада в Старом Свете развивалась разветвленная система прямых и косвенных связей, порой охватывающая отнюдь не локальные участки. В античную эпоху в Старом Свете существовали огромные области с высокой и самобытной культурой, каждая из них представляла собой определенную ойкумену, и между этими ойкуменами создавались системы прямых связей. Следовательно, тут уже следует говорить не о региональном, а об «ойкуменном» уровне.

Но и касаясь Нового Света, следует качественно различить территориальные открытия в абсолютно замкнутых регионах Центральной и Южной Америки.

Следовало бы поэтому разработать более дробную и детализированную схему уровней территориальных открытий, положив в ее основу данные о смене исторических этапов и формаций в различных регионах Старого и Нового Света.

Чрезвычайно интересна та часть первого раздела рецензируемой книги, где рассматриваются вопросы о случайных открытиях и проблема приоритета.

Автор справедливо ставит во главу угла высказывание прославленного русского мореплавателя Ф. П. Литке, который различал понятия «открытие» и «отыскание». Под «открытием» Ф. П. Литке имел в виду случайное «обретение» того или иного географического объекта, под «отысканием» — обретение, основанное на расчетах и соображениях. Однако расчеты и соображения исследователя могли быть и ложными, как это имело место в проекте Колумба. Н. Г. Фрадкин в этой связи анализирует открытия полинезийских мореходов, плавания которых носили не случайный, а преднамеренный характер.

Касаясь проблемы приоритета, Н. Г. Фрадкин вполне резонно отмечает, что «видимо, возможно и целесообразно разграничить приоритет в достижении (первом посещении) или обнаружении и в научном открытии неизвестного ранее территориального объекта, взяв в основу такого разграничения непосредственный результат рассматриваемого посещения (обнаружения) для географической науки» (стр. 46). Развивая эту мысль, автор указывает, что первенство в открытии должно принадлежать тому, кто не только обнаружил данный объект, но и дал информацию о нем, позволившую нанести этот объект на карту мира. При этом, открыватель обязательно может иметь правильные представления об обнаруженном объекте (яркий тому пример — Колумб).

В качестве убедительного примера бесспорного приоритета в географическом открытии глобального масштаба автор приводит открытие в январе 1820 г. Антарктиды экспедицией Ф. Ф. Беллинсгаузена — М. П. Лазарева.

Весьма содержательные главы, посвященные проблеме открытий глобального уровня на современном этапе. Автор подчеркивает значимость открытий, совершенных нашими географами на территории Советского Союза и в Антарктиде, рассматривает некоторые методологические вопросы, связанные с ходом этих открытий. Открытий, которые совершаются не только на Земле, но и на Луне, Венере и Марсе.

Второй раздел книги посвящен открытиям физико-географических закономерностей. Автор отмечает, что ныне разработка этой проблемы приобретает особую актуальность, поскольку физическая география наших дней призвана в первую очередь открывать новые закономерности, но оговаривается, что в данном разделе им затронуты преимущественно проблемы природной зональности.

Рассматривая историю открытий физико-географических закономерностей, автор выдвигает схему 4-х уровней. Этим уровням, временные рамки которых включают последние пять столетий, автор предпосылает некий «эмбриональный» уровень, охватывающий античную эпоху и период средневековья; предшествующий Возрождению.

Думается, что вряд ли справедливо принижать до степени эмбриональных исследований достижения географической мысли античного мира. В равной мере не следует пренебрегать и географией средневековья, особенно арабской и индийской, которая отнюдь не замкнулась в схоластических рамках и плодотворно развивала многие традиции античности. В познание многих физикогеографических закономерностей огромный вклад внесли и Аль-Бируни (кстати говоря, создавший оригинальную схему географической зональности), и географические школы Аль-Андалуза, и Роджер Бекон, причем в трудах передовых географов средневековья преобладают многие натурфилософские и метафизические традиции, в склонности к которым автор огульно обвиняет всех представителей античной и средневековой географической мысли.

Очевидно, «эмбриональный» уровень открытий физико-географических закономерностей заслуживает иной, более высокой оценки, а в связи с этим и в схему Н. Г. Фрадкина следовало бы внести коррективы, сместив далеко в глубь веков ее «неэмбриональные» полноценные уровни.

Этих, «полноценных» уровней, как уже указывалось, в схеме автора четыре. Первый из них, охватывающий XV—XVIII вв., носит название «элементно-холологического уровня». По мысли автора, он характеризует «этап в развитии научных знаний о Земле, связанный с накоплением и элементарной систематизацией разнородных сведений о природных объектах, с господством метафизических подходов к познанию природы, с рассмотрением природы как неизменной во времени и в пространстве» (стр. 81). Эта характеристика, на наш взгляд, несколько метафизична и вряд ли ее следует подкреплять ссылкой на Канта. Впрочем, ниже и сам автор, когда речь заходит о М. В. Ломоносове и Ф. Бэконе, отмечает, что в XVIII в. уже отчетливо обозначился иной подход к природе и распространились идеи ее развития (стр. 85, 88). Мнение справедливое, но оно требует в таком случае и пересмотра авторской дефиниции и расчленения этапа.

Второй этап, которому соответствует XIX в., характеризуется как время открытий «компонентно-исторического уровня». Для него, по мысли автора, типичны выявления закономерностей в распространении и во взаимосвязях отдельных компонентов природы, а также исторический подход к ее изучению. В качестве главных представителей научной мысли этого этапа названы А. Гумбольдт, Ч. Лайель, Э. Зюсс, Э. Реклю и А. П. Карпинский.

Третий этап — этап открытий «комплексно-динамического уровня» — начинается в конце XIX в. с появлением трудов В. В. Докучаева. Качественно он характеризуется, по мысли автора, открытием ранее неизвестных, относительно сложных природных тел — комплексов на основе анализа динамического фактора их образования.

Предложенная Н. Г. Фрадким схема периодизации уровней открытий физико-географических закономерностей по идее своей весьма интересна. Несомненно, однако, что совершенно правомерно автор подчеркивает значение открытий современных физико-географических закономерностей, связывая его с выходом человечества в Космос.

В целом книга Н. Г. Фрадкина содержит ценные положения по кардинальным вопросам истории географической науки.

Я. М. Свев

Славянский фольклор. Отв. ред. Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. М., 1972, 328 стр.

Изучение взаимоотношения русского фольклора с народным творчеством славянских народов — давняя традиция советской фольклористики.

Эти проблемы, как известно, широко обсуждались на IV, V, VI и VII Международных съездах славистов, на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в 1964 г., весьма активно дискутировались на страницах продолжающегося издания «Русский фольклор» и т. д. В 1951 г. вышел сборник материалов и исследований по исторической народной поэзии славян под названием